

Н. Долинина

Петя Ростов

«Офицер этот, очень молоденький мальчик, с широким румяным лицом и быстрыми, веселыми глазами, подскакал к Денисову и подал ему промокший конверт.

— От генерала, — сказал офицер, — извините, что не совсем сухо...»

Так мы знакомимся с Петей Ростовым, хотя видели его с первых страниц: толстый маленький мальчик, поспоривший с Наташей, что на именинном обеде она задаст свой отчаянно-веселый и совершенно не предусмотренный хорошим воспитанием вопрос о пирожном; он вертелся вокруг Николая и Денисова, приехавших в отпуск, как всякий мальчишка, который восхищается старшим братом — военным; но мы все еще не замечали его: он маленький...

Когда пришло письмо от Николая о его ранении, девятилетний Петя сурово сказал сестрам: «Вот именно, что все вы, женщины, — плаксы... Я так очень рад и, право, очень рад, что брат так отличился. Все вы нюни!.. Кабы я был на месте Николушки, я бы еще больше этих французов убил...» Он с упоением играл во взрослого мужчину — эта игра продолжается до самого 1812 года:

«Ну теперь, папенька, я решительно скажу — и маменька тоже, как хотите, — я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу... вот и все...»

И вот Петя на войне. Что он знает о ней? «Ему все казалось, что там, где его нет, там-то теперь и совершается самое настоящее, геройское. И он торопился поспеть туда, где его теперь не было».

Взрослые люди, окружающие Петю, стараются уберечь его. Генерал, у которого он служит ординарцем, «помяная безумный поступок Пети в Вяземском сражении, где Петя, вместо того, чтобы ехать дорогой туда, куда он был послан, поскакал в цепь под огонь французов и выстрелил там два раза из своего пистолета, — отправляя его, генерал именно запретил Пете участвовать в каких бы то ни было действиях Денисова».

Но Петя не послушался генерала, как не послушался позже Денисова и даже Долохова, — какой же мальчик в шестнадцать лет, считая себя взрослым, слушается благоразумных указаний старших?

На войне 1805 года мы видели Николая Ростова таким же юным мальчиком. Но Петя не повторяет своего брата, он другой. Сообщив Денисову, что уже был в сражении под Вязьмой, он рассказывает, как «там отличился один гусар». Николай в его возрасте непременно рассказал бы о своих подвигах — не заметил бы, как приврал. Петя все время боится завратиться, он очень честен. Передавая казаку саблю, чтобы тот ее наточил, Петя сказал было: «Затупи...» — но тут же поправился — он боялся солгать: «она никогда отточена не была».

Николай, как и Петя, страстно хотел выглядеть взрослым; он подражал Денисову, никогда бы в жизни не показал своей жалости к пленному мальчику французу и ничем бы не выдал своих чувств. Петя мучается, что его сочтут маленьким, но все-таки спрашивает, нельзя ли накормить пленного.

Познакомившись, наконец, с Петей, мы узнаем в нем черты его семьи и любуемся им: он такой добрый, открытый, чистый! Готов раздать все свои покупки, всем верит, даже маркитанта считает очень честным, и все время старается быть достойным геройского общества, в которое привела его судьба.

Попав в отряд Денисова, Петя, конечно, уже влюблен в него и «решил сам с собою, что генерал его, которого он до сих пор очень уважал, — дрянь, немец, что Денисов герой,

и эсаул герой, и что Тихон герой, и что *ему было бы стыдно уехать от них в трудную минуту*. У этого ребенка есть четкие представления о том, что стыдно и что нужно: как его сестра Наташа, он страстно хочет жить правильно, как надо.

Как и всякий подросток, Петя все время боится сделать что-нибудь не так, не повзрослому. Он старается подражать Денисову, несколько раз повторяет вслед за Долоховым, что «привык все делать аккуратно»; но детское все-таки побеждает в нем: «Я привык что-нибудь сладкое», – вырывается у него.

Отправившись с Долоховым в лагерь французов, Петя романтически шепчет: «Я живым не отдамся», а когда все кончилось, нагибается к Долохову, чтобы поцеловать его.

Но вот что удивительно: жестокий, суровый Долохов «поцеловал его, засмеялся и, повернув лошадь, скрылся в темноте». Мы же знаем Долохова — ему ничего не стоило так оборвать мальчишку, что Петя бы сутки корчился от стыда... Почему же Долохов простил мальчику его чувствительность и, может быть, даже сам поддался ей?

Вероятно, потому, что во время их отчаянной поездки Петя, замирая от страха, ни разу этого страха не выдал. Мы ведь помним его брата в первых сражениях — Николай не мог превозмочь себя. А Петя может. Долохов очень неосмотрительно взял с собой в разведку необстрелянного мальчика — мальчик не подкачал, и это понравилось Долохову.

В ночь перед сражением Петя в полусне слышит музыку и командует ею, и чудится ему, что он создает звуки... «Валяй, моя музыка! Ну!..» — думал Петя, и звуки слушались его, и он был счастлив. Огромный, никому и даже самому Пете еще неизвестный мир жил в нем, — мир, полный красоты и добра.

Не готов Петя к войне и ее жестокости, не понимает он войны. Когда Денисов сказал о Тихоне Щербатом: «Это наш *пластун*. Я его посылая *языка* взять», — Петя «решительно не понял ни одного слова», хотя и не показал этого. Он чувствует неловкость при мысли о том, что Тихон только что убил человека, и при споре Долохова с Денисовым о пленных: Денисов посылает их в город, Долохов расстреливает — Петя инстинктивно старается не понять этого.

Слушая и наблюдая вместе с Петей, мы видим беспощадность войны, которой он не хочет замечать, потому что играет: то готовится к тому, «как он, как следует большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будет держать себя с Денисовым»; то страстно просится «в самую... в главную...», умоляет: «Мне дайте команду совсем, чтобы я командовал... ну что вам стоит?»

Это «ну что вам стоит?» — детское представление о том, что взрослые все могут, — ранит больнее всего, когда читаешь о Пете.

С этим детским представлением он пришел на войну, выстрелил два раза из своего пистолета, накупил у маркитанта изюма и кремней, наточил саблю... Но он выдержал поездку с Долоховым в лагерь французов, потому что играл в свою игру изо всех сил.

На рассвете, когда невыспавшийся Петя снова бросается к Денисову с мольбой: «Вы мне поручите что-нибудь? Пожалуйста... ради бога...» — Денисов делается суров с ним. «Об одном тебя *пг'ошу*, – сказал он строго, -- слушаться меня и никуда не соваться».

Самое трагическое — контраст между волшебным миром, в котором еще ночью чувствовал себя Петя, и правдой войны, в которой живут все остальные.

Казалось бы, Толстой покажет это сражение глазами Пети, как он всегда делает. Но видим мы на этот раз глазами самого Толстого, — перед нами жестокий быт войны: Денисов ехал молча, стало светать, лошади скользили, туман скрывал отдаленные предметы, один француз «упал в грязь под ногами Петиной лошади...»

Петя не видит всего этого, не слушает Денисова, кричащего на него, — он живет в своем выдуманном, сказочном мире.

«Ура!.. Ребята... наши... – прокричал Петя и, дав поводья разгорячившейся лошади, поскакал вперед по улице...»

Услышав крик Долохова: «В объезд! Пехоту подождать!» — Петя не слушается и Долохова.

«Подождать?.. Ураааа!..» — закричал Петя и, не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда слышались выстрелы и где гуще был пороховой дым».

Тогда-то и столкнулись два мира: войны и игры в войну. «Послышался залп, провизжали пустые и во что-то шлепнувшие пули». С чудовищной простотой мир войны обрушился на Петю: «во что-то шлепнувшие» — это в него.

Как когда-то под Аустерлицем князь Андрей почувствовал, словно его ударили палкой по голове, — так и теперь все произошло ужасающе просто: казаки увидели, что Петя «тяжело упал на мокрую землю», и «быстро задержались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась».

Денисов увидел «еще издали то знакомое ему, несомненно безжизненное положение, в котором лежало тело Пети», и все-таки не поверил, все-таки вскрикнул: «Убит?!»

Сколько убитых видел Денисов! Но, может быть, только над телом этого мальчика он окончательно понял, что с каждым убитым уходит целый мир — и уходит безвозвратно. Навсегда.